

А.А. Краевский

**Отечественные записки
Павла Свиньина**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.А. Краевский**
Отечественные записки Павла Свинына / А.А. Краевский – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 408 с.

ISBN 978-5-518-09458-1

ISBN 978-5-518-09458-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СКВОЗЬ МРАКЪ КЪ СВѢТУ.

ПОВѢСТЬ

Карла Гуцкова.

I.

Домъ «Скачущаго коня».

— Годдэмъ, вы клеветете! — въ этомъ домѣ живутъ ангелы!..

— Клянусь святымъ Патрикомъ, я готовъ согласиться, что тамъ вправду есть одинъ ангель, но его держитъ въ когтяхъ дьяволь...

— Кто? Кого? Если вы говорите о папистѣ, объ вашемъ землякѣ, такъ вы пожалуй правы...

— Папистъ! Гм! Онъ изъ шайки царевубійцы! Онъ ни во что не вѣруеть, въ его никогда въ церкви не увидите...

— Ну, вѣтъ, онъ молится, но только объ своей мошнѣ...

— Ходятъ разные слухи...

— Просто на просто, это фальшивый монетчикъ!

— Кто? сосѣдь-то мой? человѣчекъ-то этотъ? Что вы, — да это душа-человѣкъ, благодѣтель бѣдныхъ, у него для всѣхъ дверь отперта...

Такого рода противорѣчивыя мнѣнія высказывались за кружкой эля объ одномъ лондонскомъ жителѣ въ сосѣднемъ съ его домомъ шинкѣ. Дѣло было въ 1713 году, какъ разъ въ то время, когда въ блестящихъ хоромахъ ганноверскаго дворца курфюрстъ Георгъ-Лудовикъ съ часу на часъ готовился отплыть изъ одной изъ своихъ маленькыхъ гаваней для принятія скипетра уже и тогда владычествовавшей надъ морями Англїи, каковой скипетръ тоже съ часу на часъ готовился вывалиться изъ рукъ больной родственницы курфюрста, королевы Анны.

На стѣнѣ дома Джона Робертсона — такъ звали человѣка, о

которомъ происходилъ вышеприведенный разговоръ,—былъ изобращенъ скучущій бѣлый конь.

Торговый людъ имѣлъ о Джонѣ Робертсонѣ болѣе опредѣленные свѣдѣнія, чѣмъ посѣтители полпивныхъ. Было извѣстно, что онъ жилъ пѣкогда въ крайней бѣдности, несмотря на то, что получилъ кое-какое наслѣдство и затѣмъ выгодно женился. Рассказывали, что онъ обѣдѣлъ вдругъ, вскорѣ послѣ своей женитьбы, и многіе сильно упрекали его въ томъ, что онъ будто бы втерся въ довѣріе почтеннаго семейства съ цѣлью употребить женино приданое либо на уплату долговъ молодости, либо на отчаянныя спекуляціи, которыя его и разорили. Другіе отрицали это и называли Робертсона скрагой, который тотчасъ же послѣ женитьбы на Мэри Вильсонъ, дочери сельскаго священника, принудилъ свою молодую жену отказывать себѣ во всемъ и сталъ неустанно копить деньги, такъ что теперь у него денегъ куры не клюютъ. Но и противъ этого предположенія существовали солидныя возраженія. Всѣ знали, что послѣ многихъ годовъ бѣдности, Робертсонъ сталъ жить очевидно все шире и шире, и повидимому жена его пользовалась всѣми удобствами этой новой, лучшей жизни,—впрочемъ недолго, потому что она рано умерла. Такимъ образомъ, и скрагой Робертсона назвать было нельзя, и сосѣди поневолѣ должны были остановиться на томъ неопредѣленномъ положеніи, что Робертсонъ человѣкъ странный, окруженный какою-то таинственностью.

Маленькій, сѣденькій человѣчекъ, добродушно здоровавшійся со всѣми сосѣдами, жилъ въ собственномъ домѣ и жильцовъ къ себѣ не пускалъ. Домъ былъ невеликъ; маленькіе балконы, большія стрѣльчатыя окна и уюткообразныя лѣстницы придавали ему старинный видъ, но онъ былъ совершенно удобенъ. Мало того, эти три этажа, соединенные витыми лѣстницами, устланными коврами, нисколько не отставали отъ тогдашнихъ понятій о блескѣ и комфортѣ. Робертсонъ еще въ тяжелую пору своей жизни привыкъ обходиться почти безъ прислуги и потому и теперь держалъ ея немного. Вся обстановка и весь складъ его жизни были очень своеобразны. Такъ, онъ не любилъ оставаться съ кѣмънибудь долго вдвоемъ; интимныхъ, дружескихъ отношеній не имѣлъ ни съ кѣмъ. Самъ онъ жилъ въ нижнемъ этажѣ, но держалъ у себя ключи отъ всего дома и нерѣдко лично отворялъ дверь посѣтителямъ, и лично же тушилъ по вечерамъ огни въ домѣ. Странности эти еще болѣе способствовали распространенію фантастическихъ слуховъ объ немъ. Рассказывали, что онъ днемъ запирался у себя по цѣлымъ часамъ, и

никто не могъ отгадать, чѣмъ онъ въ это время занимается. Такъ-какъ по ночамъ въ его комнатахъ слышался какой-то странный шумъ, то можно было думать, что днемъ онъ спитъ. Изъ своей спальни онъ утромъ никогда не показывался раньше одиннадцати часовъ, когда онъ садился за обычный въ то время завтракъ — приправленный пряностями бульонъ. За то ложился онъ очень поздно, хотя и требовалъ, чтобы всѣ домашніе были въ кровати не позже одиннадцати часовъ. Слѣдовало думать, что онъ не спалъ чуть не до утра и можетъ быть — на этотъ счетъ мнѣнія раздѣлялись — либо совсѣмъ уходилъ изъ дому, либо принималъ у себя неизвѣстныхъ, загадочныхъ людей.

Единственный человѣкъ, состоявшій въ короткихъ отношеніяхъ съ Джономъ Робертсономъ, былъ старый лавочникъ изъ самого отдаленнаго предмѣстья этой части Лондона. Звали этого грязнаго и во всѣхъ отношеніяхъ непривлекательнаго лавочника Вилль Мордаунтъ.

Съ Виллемъ Мордаунтомъ Джонъ Робертсонъ былъ въ очень пріятельскихъ отношеніяхъ, и надо замѣтить, что связь эта играла не малую роль въ ходившей о Робертсонѣ двусмысленной молвъ и бросала на него дурную тѣнь. Мистеръ Мордаунтъ былъ во всемъ околоткѣ извѣстенъ за человѣка не строгой нравственности: онъ былъ закладчикъ и ростовщикъ, бралъ страшные проценты, надувалъ на товарахъ, бралъ на себя всякаго рода порученія, какъ напримѣръ присканіе прислуги, причемъ выговаривалъ себѣ извѣстный процентъ съ жалованья. Однимъ словомъ, Вилль Мордаунтъ слылъ за безсовѣстнаго сквалыгу далеко за предѣлами Ипсвичской улицы, въ которой онъ жилъ. И у этого-то человѣка часто бывалъ добродушно улыбающійся, всегда изящно одѣтый, въ банмакахъ съ пряжками, со шпагой у бедра — сэръ Робертсонъ. Мало того, они запирались вдвоемъ, вели какіе-то денежные счета, и все это уже въ теченіе многихъ лѣтъ. Немудрено, что многіе изъ людей, признававшихъ за Робертсономъ всевозможныя достоинства, держались отъ него вдалекѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нашъ человѣчекъ очень повидному желалъ стать къ нимъ ближе. А такіе случаи бывали. Джонъ Робертсонъ былъ до известной степени гостепрійменъ. Какъ ни были таинственны его ночи и утра, онъ часто испытывалъ потребность пригласить къ своему обѣду, какъ во времена своего перваго хорошаго житія, всякаго встрѣчнаго. Многіе являлись охотно. Онъ держалъ хорошій столъ, и вина его могли удовлетворить и запотока. Но, являясь въ другой разъ и въ другое время, гости

получали отвѣтъ, что хозяинъ спитъ или что его нѣтъ дома. Окна оказывались завѣшанными, двери запертыми, и весь домъ поодъ вывѣской бѣлаго скагуна точно вымершимъ.

У Джона Робертсона была дочь, милое созданіе по имени Элеонора. Робертсонъ женился на Мэри Вильсонъ лѣтъ тридцати-шести и послѣ девяти или десяти лѣтъ бездѣтной жизни, Мэри родила Элеонору, и затѣмъ, спустя нѣсколько недѣль, умерла. Отецъ ухаживалъ за ребенкомъ лучше любой няньки. Сначала, пока дѣвочку приходилось кормить коровьимъ молокомъ—для чего нарочно была куплена корова—отецъ посвящалъ ей всецѣло даже свои ночи, которыя повидному были ему особенно дороги, носилъ ее постоянно на рукахъ и вообще берегъ какъ зѣницу ока. Подозрительные наблюдатели его уже тогда загадочнаго образа жизни поговаривали: «ну теперь, когда Робертсонъ по ночамъ съ своимъ ребенкомъ возится, ему ужъ нѣбогда фальшивыя гиней дѣлать». Другіе пускались въ догазательства, что ему теперь навѣрное придется жениться во второй разъ, потому что надо же кому нибудь ходить за ребенкомъ, а чужаго человѣка Робертсонъ никакъ не выпуститъ въ таинственную атмосферу своего существованія. И дѣйствительно, именно по этой причинѣ Робертсонъ ходилъ самъ за дѣвочкой. Только позже, когда ребенокъ подросъ, Робертсонъ поручилъ ухаживаніе за нимъ по ночамъ экономкамъ, которыхъ помѣщалъ въ третьемъ этажѣ и часто мѣнялъ. Отецъ самъ слѣдилъ за воспитаніемъ дочери, выписывалъ лучшихъ учителей для обученія ея музыкѣ и французскому языку. Въ то время въ Англіи было въ большомъ презрѣніи все родное и высоко цѣнилось все иностранное и въ особенности французское. Робертсонъ также выучился французскому языку, но единственно для того, чтобы упражнять Элеонору въ разговорахъ. На всѣхъ урокахъ онъ присутствовалъ непремѣнно, да иначе ему некуда было и время дѣвать. Занятія его были исключительно ночныя и днемъ ему было печего дѣлать. Приняться опять за торговлю онъ не хотѣлъ, потому что это значило бы разстаться съ мирною домашнею жизнью, съ которою онъ такъ свыкъся. Вилль Мордаунтъ неоднократно предлагалъ ему вступить съ нимъ въ товарищество, но какъ ни были, повидному, тѣсны узы, связывавшія этихъ двухъ людей, Робертсонъ не имѣлъ никакой склонности къ торговымъ принципамъ своего пріятеля. Капиталъ свой онъ помѣстилъ въ банкъ Остъ-Индской Компаніи, дававшій высокіе проценты, которыхъ почти половину Робертсонъ могъ опять приложить къ капиталу, сохранявшемуся для Элеоноры. Однако у него были и еще доходы, но откуда они шли—

это оставалось тайной даже для его дочери. Элеоноръ былъ теперь семнадцатый годъ, она составляла радость и гордость отца, и никто бы не угадалъ, что судьба назначила ей быть зрѣчной большого гора для него.

Была чудесная весна, которая чувствовалась даже въ Лондонѣ, по крайней мѣрѣ, въ малепькомъ садикѣ при домѣ «Скачущаго Коня». Природа просыпалась, и даже садовныя ножницы, подстрекаемыя безвкусіемъ того времени, и подстригавія множество чуть зеленѣвшей листвы кустарниковъ, не могли совершенно обезобразить дѣло природы. Элеонора радовалась каждому цвѣтку, который расцвѣталъ въ ея комнатѣ въ изящныхъ горшкахъ изъ только что вошедшаго въ употребленіе фарфора. Уже у высокой стѣны, примыкавшей къ Венлокской улицѣ, зазеленѣлъ рядъ сиреней, покрытыхъ безчисленными полуоткрытыми лиловыми гвѣздками. И какъ разъ въ такую чудесную пору надъ тихой жизнью Джона Робертсона стали собираться темныя тучи.

II.

Кумъ Мордаунтъ въ Инсвичской Улицѣ.

Мы сказали уже, что Вилль Мордаунтъ былъ единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ Джонъ Робертсонъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Но этого мало. Казалось, будто Мордаунтъ имѣетъ какую-то власть надъ Робертсономъ; будто онъ его держитъ въ рукахъ. Однажды, когда Робертсонъ зашелъ къ своему другу, между ними произошелъ, между прочимъ, слѣдующій разговоръ:

— Ну, старый пріятель, говорилъ съ чахоточнымъ кашлемъ старикъ вѣтошникъ и ростовщикъ: — хоть я и не очень близокъ къ смерти, но мои молодцы, Томъ и Самъ, заставляютъ меня объ этомъ предметѣ подумывать. Вы вѣдь знаете, что отецъ не оставилъ имъ ничего, кромѣ моей дѣдовской иѣжности, — чортъ бы ее взялъ! Я копилъ, копилъ, чтобы сдѣлать изъ моихъ внуковъ важныхъ господъ, которые, пожалуй, и не поклонятся старому дѣду, когда придется проходить мимо него съ своими знатными итонскими или оксфордскими товарищами. А что подѣлаешь съ родственнымъ чувствомъ... Законы Англіи, которые сдѣлали ее могущественною и, дастъ Богъ, сдѣлаютъ для нея еще больше, на зло всѣмъ попомъ и французскому ко-

варству, старые законы Англии предписываютъ мнѣ позаботиться о Томѣ въ ущербъ младшему Саму...

Джонъ Робертсонъ, повидному, очень хорошо понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ дружески ударилъ по плечу стараго свкалыгу, глаза котораго (по выраженію его внука Сама) терялись на изрытомъ осной лицѣ, какъ два кусочка масла на блюдѣ варенаго гороха, и сказалъ, въ полной увѣренности, что колеблеть слабую струну души Мордаунта:

— Я и до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю, кумъ, какъ я крестилъ этихъ славныхъ ребятъ. Какъ вы тамъ ни ворчите, а я готовъ пари держать, что вы бы не иначе хотѣли отпраздновать свой восьмидесятый день рожденія, какъ принимая у себя епископа винчестерскаго! Дорого бы я далъ, чтобы дожить до той поры, когда Томъ поднимется на эту ступень!

Дѣдъ Тома и Сама Мордаунтовъ и не подумалъ опровергать возможность такого шага для своего внука Тома, хотя послѣдній только что былъ сдѣланъ викаріемъ. Онъ сообщилъ Робертсону, что получилъ извѣстіе о помолвкѣ его старшаго внука Тома съ дочерью одного очень почтеннаго альдермана изъ Пемфорда въ Пемфордширѣ. Помолвка должна была состояться очень скоро, но родители невѣсты, альдерманъ изъ Пемфорда въ Пемфордширѣ и его супруга, требовали, чтобы передъ ними было предварительно выяснено имущественное положеніе достопочтеннаго Томаса Мордаунта и размѣръ имѣемаго имъ въ виду наслѣдства.

Дѣдъ Вилль рѣшилъ передать все, что онъ имѣлъ, — а онъ имѣлъ не мало, — по англійскому обычаю, первенцу своего сына, имѣя въ виду устроить младшаго внука инымъ путемъ, давно уже обдуманнмъ и взлелѣяннмъ въ душныхъ комнатахъ стараго дома въ Ипсвичской улицѣ. Дѣдъ Вилль разсчитывалъ устроить счастье своего второго внука, бакалавра правъ Самуила Мордаунта при посредствѣ своего стараго друга и кума Джона Робертсона.

Джонъ Робертсонъ былъ богаче своего друга. У Вилля Мордаунта былъ когда-то сынъ, котораго неудачная женитьба довела почти до совершенной ссоры съ отцомъ, а потомъ и до смерти. Онъ умеръ въ молодыхъ еще годахъ, обремененный долгами, уплата которыхъ значительно поразстроила состояніе Мордаунта. Да и его торговныя операціи были такого рода, что немедленно вслѣдъ за громадными барышами онъ могъ ожидать такихъ же громадныхъ убытковъ. Но состояніе его было совершенно прилично для будущаго «епископа винчестерскаго»,

или по крайней мѣрѣ для расчисти ему пути вверхъ по лѣстницѣ почестей. Что же касается до втораго внука, юрста, дерзкаго и расточительнаго, но не менѣе любимаго Самуила Мордаунта, то старый лавочникъ давно уже предназначалъ ему руку Элеоноры Робертсонъ, какъ средства для полученія — почему же бы нѣтъ? — мѣста въ парламентѣ и портфѣля по малой мѣрѣ младшаго государственнаго секретаря, если не самого лорда-канцлера; конечно, не при жизни царствующей королевы Анны, но ужъ навѣрное при ея преемникѣ, если — въ чемъ старо-англійскіе патриоты были твердо увѣрены — если престоль божіею милостію дѣйствительно перейдетъ въ руки протестантской династіи въ Ганноверѣ, а не къ католическимъ Стюартамъ.

Отецъ Элеоноры тоже давно освоился съ этимъ планомъ. Онъ часто, еще до рожденія Элеоноры, говорилъ своему другу: «Старый Вилль, хоть бы ваши внуки были такъ же безобразны, какъ вы сами, я приму ихъ къ себѣ, какъ своихъ дѣтей, если у меня не будетъ собственныхъ; только бы вы имъ не передали своей жадности къ деньгамъ и своей нечистоплотности». Но вотъ у него родилась дочь у самого, а оба молодые Мордаунты съ лѣтами повзрѣли, и Самъ оказался обладающимъ тѣмъ характеристическимъ безобразіемъ, которое, при извѣстныхъ условіяхъ, особенно при умѣ и огненныхъ глазахъ, скорѣе привлекаетъ, чѣмъ отталкиваетъ.

Элеонора очень хорошо знала крестника своего отца. Ребенкомъ она съ нимъ играла. Самъ былъ одинъ изъ немногихъ мужчинъ, которыхъ ей доводилось видѣть довольно часто. Эти люди были на перечетъ: ея отецъ — «морской рачекъ», какъ она прозвала его еще ребенкомъ за то, что онъ обыкновенно ходилъ въ красномъ платьѣ; старый, теперь уже умершій домовый сторожъ; владѣлецъ коровы, молокомъ которой она кормилась, и телята которой давно уже сами сдѣлались коровами; разнощикъ газетъ и Вилль Мордаунтъ, наружность котораго внушила дѣвчкѣ понятіе, что всѣ важныя и имѣющія значеніе люди непременно рыбье (Самъ былъ тоже рыбой и тоже отъ оспы, тогда не знали еще оспопрививанія), — вотъ и всѣ, если прибавить сюда Сама. Старшаго внука Вилля, Томаса, Элеонора тоже знала, но очень мало, вслѣдствіе большой разницы въ лѣтахъ. Отецъ не торопился расширять кругъ ея знакомыхъ. «Морской рачекъ» очень хорошо зналъ, какія акулы и другія хищныя рыбы встрѣтили бы въ этомъ морѣ его дорогое дитя. Лондонскіе нравы были тогда не изъ строгихъ, и отцы имѣли многія привычки оберегать молодыхъ

дочерей. Самуилъ Мордаунтъ въ послѣдніе годы совершенно исчезъ изъ Лондона, и только нрѣдка наѣзжалъ къ дѣду изъ Итона, Оксфорда и Кэмбриджа. Можетъ быть, въ качествѣ пріятеля разныхъ молодыхъ лордовъ, онъ стыдился царившей въ Ипсвичской улицѣ грязи. Тѣмъ не менѣе, Элеонора невольно привыкла сравнивать съ Самомъ всѣхъ мужчинъ, о которыхъ ей приходилось читать или слышать. И оказывалось, что всѣ молодые люди, на которыхъ отцы или дѣды ихъ могли возлагать большія надежды, имѣли непремѣнно черные, блестящіе глаза, сверкающіе бѣлизной зубы, нѣсколько смуглый цвѣтъ лица, густые, черные волосы, само собою разумѣется, шпату у бедра, а на губахъ постоянно ту своеобразно-лукавую усмѣшку, которая отличала Сама. Рябины не смущали Элеонору. Въ особѣ Сама было нѣчто столь оригинальное, нѣчто и привлекающее, и отталкивающее вмѣстѣ, — что Элеонорѣ было вполне знакомо то смѣшанное чувство страха и удовольствія, съ которымъ женщины часто вспоминаютъ о мужчинахъ. Однако, чувство это никогда не мѣшало ей отъ души радоваться посѣщеніямъ сначала студента, потомъ бакалавра и, наконецъ, молодого практиканта-юриста Сама Мордаунта.

Чѣмъ старше они становились, тѣмъ страннѣе выходило отношеніе между скоростью бѣженія сердца Элеоноры, когда ждали Сама, и скоростью его шаговъ по лѣстницѣ дома «Скачущаго Коня». И именно, чѣмъ старше она становилась, тѣмъ скорѣе билось ея сердце, тогда какъ шаги Сама, напротивъ, въ такой же пропорціи замедлялись. Въ послѣдній годъ онъ былъ какъ-то особенно задумчивъ, являясь въ домъ Робертсона, и «морской рачекъ» въ немъ многое порицалъ. Онъ былъ недоволенъ, что Самъ, послѣ трехлѣтнихъ практическихъ занятій въ качествѣ помощника адвоката, даже послѣ поѣздки въ Парижъ съ дѣлюю докончить юридическое образованіе, все-таки разѣзжается по университетамъ; далѣе, «морской рачекъ» замѣчалъ, что Самъ сдѣлался очень угрюмъ, часто раздражителенъ, разсѣянъ, неразговорчивъ, и вообще сталъ не тотъ, что былъ прежде. Элеонора вступалась за Сама. Поэтому, въ то чудесное майское утро, когда завязался между Робертсономъ и его кумомъ приведенный разговоръ, «морской рачекъ» могъ съ чистою совѣстію и полною беззаботностію отвѣтить старому Мордаунту:

— Кашлять-то вы, кумъ, перестаньте такъ ужасно, а все остальное устроится какъ нельзя лучше. Мы съ Элеонорой живемъ въ ладу, и еще ни разу не расходились въ чемъ-нибудь важномъ. Она искренно и прямо скажетъ свое «да» ва-

шему молодцу, если только онъ самъ не мѣтитъ на кабую-нибудь графскую дочку...

— Гм! проворчалъ Мордаунтъ.—Послѣднее замѣчаніе польстило, правда, ему, но вмѣстѣ съ тѣмъ было по многимъ причинамъ неприятно. Ему приходилось тяжело отъ высокомѣрія его внука, которое, по его словамъ, тотъ получилъ въ наслѣдство отъ своей матери, а его, Вилля Мордаунта, невѣстки, стонвшей ему многихъ бессонныхъ ночей, кучи денегъ и, наконецъ, смерти единственнаго сына,—сына, который, можетъ быть—гм! гм!—это соображеніе онъ обыкновенно проглатывалъ—можетъ быть, еще исправился бы.

Оба старика были согласны въ томъ, что Самъ слишкомъ мало знаетъ съ людьми, наиболѣе къ нему близкими. Но старый Вилль имѣлъ для него оправданіе.

— Вельможи должны расчистить ему дорогу, говорилъ онъ.—Прочтите это письмо, сэръ, и вы увидите, въ чемъ дѣло. Они чуть не разодрались съ братомъ, и Томъ, хоть и духовное лицо, даже за ножъ схватился, когда Самъ заговорилъ о его женитьбѣ на пэмфордской гусинѣ, — а у нея дѣйствительно кажется слишкомъ длинная шея, но за то очень бѣлая кожа, — и обо всѣхъ этихъ дѣлахъ по наслѣдству. Но тутъ ничего не подѣлаешь. Я иначе и къ мистеру Кэрсби (такъ звали нотаріуса) не пойду, и завѣщаніе иначе не составлю, какъ по желанію этихъ пэмфордскихъ. А Самъ явится на дняхъ сюда, устроитъ здѣсь свою адвокатскую лавочку, и прибѣдетъ къ ней вывѣску: «Здѣсь обрѣзываютъ веревки висѣльникамъ». Ха! ха! ха! Такъ онъ самъ пишетъ. Ну, однимъ словомъ, онъ устранивается въ качествѣ адвоката. А что онъ при этомъ объ вашей Элеонорѣ думаетъ,—это ужь вы, кумъ, сами прочтите. Я думаю, изъ нихъ выйдетъ славная христіанская парочка...

Кумъ Джонъ сталъ читать бѣглое маранье молодого адвоката, который писалъ, что онъ теперь въ Шотландіи, и скоро приѣдетъ въ Лондонъ. Затѣмъ дѣло шло объ Элеонорѣ. Она сравнивалась съ цвѣтками земляники, которые Самъ уже видѣлъ въ Нортумберландскихъ лѣсахъ. Самъ посылалъ ей сердечный поклонъ, и называлъ ее горяицей, потому что, какъ онъ слышалъ, она хотѣла учиться пѣть, да неудачно. Онъ прибавлялъ, что хорошо быть и просто милымъ, дорогимъ, хоть и неумѣющимъ пѣть, голубкомъ. Это мѣсто письма привело въ восторгъ Джона Робертсона. Онъ объявилъ, что надежды молодого (ему было двадцать-пять лѣтъ) Сама Мор-

даунта навѣрное осуществятся, и обѣщаль сегодня же сообщить своей непаглядной Элеонорѣ о предстоящей ей участи.

Дальнѣйшему обсужденію этого, столь важнаго жизненнаго вопроса помѣшали дѣла старика Мордаунта. Явились два депутата отъ общества методистовъ, желавшихъ переселиться въ Пенсильванію въ виду распространенія тревожныхъ слуховъ о скоромъ предстоящемъ преобладаніи католической церкви въ Англіи. Они желали купить у Вилля Мордаунта цѣлый воровъ стараго платья. Поднимаясь съ посѣтителеми на верхъ въ свои кладовыя, Мордаунтъ сказалъ:

— Посмотрите въ той тетради страницу 7,850, тамъ записана ваша сегодняшняя получка.

Джонъ, развернувъ 7,850 страницу, прочиталъ: «двѣ гинен одинадцать шиллинговъ», и испустилъ вздохъ, соотвѣтствовавшій, повидимому, очень тяжелымъ мыслямъ. Онъ задумчиво отправился въ тихій домъ на Кавендишской улицѣ, чтобы увѣдомить свое дорогое дѣтище, что на дняхъ состоится ея помолвка съ Самомъ Мордаунтомъ, а черезъ какой-нибудь годъ и свадьба. Онъ не сомнѣвался въ полномъ согласіи Элеоноры, но тѣмъ не менѣе испытывалъ какую-то тяжесть, выходя изъ дома въ Ипсвичевскій улицѣ. Можетъ быть, его нѣсколько досаждало то обстоятельство, что «будущій лордъ-канцлеръ Англіи», какъ иногда величалъ себя Самъ Мордаунтъ, называлъ своего будущаго тестя въ письмѣ не «морскимъ рачкомъ», а «суркомъ». Джонъ Робертсонъ понималъ очень хорошо, что это намекъ на необыкновенную пору его сна.

III.

Изъ жизни морскаго рачка.

Очень странная манера ходить была у Джона Робертсона. Онъ всегда смотрѣлъ на ходу въ землю. Многіе утверждали, что причиною тому нечистая совѣсть. Но, указывая на Робертсона, какъ на живое, ходящее угрызение совѣсти, этимъ людямъ тотчасъ приходилось самимъ со стыдомъ опускать глаза, какъ только маленькій человекъ случайно на нихъ взглядывалъ. Въ его глазахъ было столько почти дѣтской чистоты, такая свѣтлая улыбка играла на его губахъ, что шапки неприванныхъ моралистовъ невольно соскакивали съ головъ, и концами своими чуть не подметали тротуара. Въ 1713 году раскланивались обстоятельнѣе, чѣмъ въ наши дни.